
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 271.22:316.4.063.24(470+571)

А. И. Белкин, Ж. В. Чашина
A. I. Belkin, Zh. V. Chashina

ДУХОВНОЕ ЕДИНСТВО ИЛИ ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ? (К ВОПРОСУ О РОЛИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ПЕРЕЛОМНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ)

SPIRITUAL UNITY OR DISINTEGRATION? (ON THE ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AT THE CRUCIAL STAGES OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CIVILIZATION)

Ключевые слова: религия, цивилизация, церковь, государство, православие, функции религии.

В статье анализируются четыре этапа в истории российской цивилизации, непосредственно связанных с деятельностью Русской Православной Церкви (РПЦ): 1) введение христианства в качестве государственной религии в конце X в.; 2) смутное время начала XVII в.; 3) церковные реформы патриарха Никона и раскол середины XVII в.; 4) церковная реформа Петра I начала XVIII в. Показано влияние этих событий на развитие российской цивилизации в аспекте проявления интегрирующе-дезинтегрирующей функции религии. Выявлены общие принципы, влияющие на характер проявления взаимосвязи религии и цивилизации. Выделена и проанализирована тенденция уменьшения влияния религиозного фактора в процессе развития цивилизации.

Key words: religion, civilization, church, state, Orthodoxy, functions of religion.

The article deals with the analysis of four stages in the history of Russian civilization directly related to the activities of the Russian Orthodox Church: 1) the introduction of Christianity as a state religion at the end of the XX century; 2) the time of troubles at the beginning of the XVII century; 3) church reforms of Patriarch Nikon and the schism of the middle of the XVII century; 4) the church reform of Peter I at the beginning of the XVIII century. The influence of those events on the development of Russian civilization is shown in the aspect of manifestation of the integrating-disintegrating function of religion. The general principles, which influence the nature of the manifestation of the relationship between religion and civilization are revealed. The tendency to reduce the influence of the religious factor in the process of civilization development is identified and analyzed.

Известно, что в рамках религиозоведческой интерпретации функций религии принято выделять интегрирующе-дезинтегрирующую функцию. Таким образом,

в процессе религиоведческого анализа изначально ставится вопрос о противоречивой природе религии как мировоззрения и как социального института. На это обстоятельство обращает внимание и выдающийся исследователь цивилизаций А. Тойнби, по словам которого церковь может предстать и как зловещая разрушительница цивилизации, и как ее полезный скромный слуга¹. Правда, исследователь отводит эту роль лишь католической церкви. Однако, на наш взгляд, идентифицировать лишь католицизм с этой разрушительной функцией было бы не совсем правильно. Рассмотрим это на примере переломных событий в истории российской цивилизации, непосредственно связанных с деятельностью Русской Православной Церкви (РПЦ).

Первым таким событием является введение христианства на Руси в качестве государственной религии в 988 г. Язычество, господствовавшее до введения христианства, опиравшееся в своем мировоззрении, по сути, на локальные божества, конечно, не способствовало объединению восточнославянских племен и земель под властью киевского князя. Необходима была универсальная мировая религия, каковой и стало христианство в православном варианте. Мы в данном случае оставляем за пределами нашего краткого исследования те исторические обстоятельства, которые способствовали выбору Русью именно византийского варианта христианства. Они были рассмотрены нами в других работах². В рамках настоящей статьи важно осмыслить, что христианская религия выполнила в X в. на Руси свою интегрирующую функцию без всякого насилия. В исторической традиции существует точка зрения о том, что насильственные меры, принятые молодым государством восточных славян, были важным инструментом христианизации. Однако этого не могло быть в связи со следующими историческими обстоятельствами:

1. Княжеская власть в политической системе древнерусского государства не была еще суверенной, абсолютной силой. В то время достаточно сильной была еще общинная власть, олицетворяемая вече. Да и сам князь в какой-то мере являлся носителем этой общинной власти.

2. В силу этого обстоятельства у князя и тяготевшей к нему дружинной знати не было инструментов насильственного утверждения новой религии. Мощной военной организацией — народным ополчением — распоряжалось вече.

3. Само христианство распространяется медленно, что явно противоречит версии насильственного крещения.

Владимир Святославович осознавал, что одной лишь военной силой молодое формирующееся государство укреплять было невозможно. Действовал князь осмотрительно. Он попытался в 980 г. провести реформу язычества, которая, по замыслу князя, должна была всех разноплеменных языческих превратить в общеславянских под началом Перуна. Однако реформа провалилась. Язычество для укрепления государственного единства и интеграции племенных союзов в единое государство не подошло. Нужна была идея единого Бога, лишённого этнических различий. Князь Владимир понимал, что в тех условиях именно православие могло стать качественно новой идеологической опорой, на которой продолжилось бы формирование древнерусской государственности.

Какие причины, помимо отсутствия насилия, привели к столь яркому проявлению интегрирующей силы христианства в исторических условиях древней Руси? Обратим внимание на точку зрения А. Тойнби. Он пытается объяснить данный

феномен позицией философской отрешенности, характерной для восточной церкви. Не будем спорить. Эта позиция, разумеется, сыграла свою роль. Однако не меньшее значение имел и «культурный фактор», выразившийся на тот момент в способе или, выражаясь по-научному, методике распространения христианского учения. Если говорить более конкретно, то мы имеем в виду деятельность славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Именно благодаря их подвижнической деятельности христианское вероучение распространялось на языках славянских племен. Эти обстоятельства в совокупности, на наш взгляд, привели к тому, что в конкретных условиях славянского мира рубежа I и II тысячелетий именно интегрирующая тенденция оказалась ведущей в восточно-христианском мировоззрении. В конкретных исторических обстоятельствах Руси конца X в. приход православия сюда был тем событием цивилизационного масштаба, которое способствовало разрешению как духовного, так и политического кризиса.

Внимания заслуживает и другая идея А. Тойнби — о формировании тесной связи религии и цивилизации в период, по его словам, «цивилизационных надломов», часто сопровождающихся духовным кризисом. В этих обстоятельствах религия способна проявить себя как великая интегрирующая сила. Проиллюстрируем это на примере такого сложного периода исторического развития России, как смутное время (начало XVII в.). К началу этих трагических событий православие стало неотъемлемой частью повседневной жизни русского человека. Фактически получалось, что именно религия в гораздо большей степени, чем государство, объединяла все народы Московской Руси в единое целое. Ведь не случайно именно православие в этот период истории нашей страны выдвинуло своих героев, спасших государство от разрушения.

Прежде всего разъясним, что мы имеем в виду, говоря об объединении всех народов Московской Руси под эгидой православия. Хорошо известно, что в соответствии с византийской традицией, которая вместе с христианством пришла на Русь, в отношениях церкви и государства главенствующая роль принадлежала государственной власти. Государство для жизни церкви сформировало такие условия, при которых этот несомненно важный институт российского общества противостоять светской власти был не способен. Однако вновь обратимся к мысли А. Тойнби о надломе цивилизации, ее духовном кризисе. В период национальной катастрофы, пережитой Россией в начале XVII в., именно церковь фактически стала вождем народа. Правда, следует помнить, что к этому взлету она пришла через цепь трагических событий своей истории. Из предшествовавших исторических событий вспоминается период опричнины в годы правления Ивана IV Грозного. Самые тяжелые последствия подобной политики свелись к тому, что человеческая жизнь, крестное целование и верность ничего не стоили, а обесценивание человеческой жизни всегда культивировало безнравственность и невежество.

Не будем излагать исторические события этого периода. Они хорошо известны. Однако в свете нашего исследования, говоря о роли церкви в смутное время, мы должны помнить — в этих сложных исторических обстоятельствах интегрирующая функция религии была реализована за счет того, что церковь выступила мощным противовесом политике лжи, измен и предательства. Эта ее твердая нравственная позиция стала тем фундаментом, на котором произошло единение всех здоровых сил России.

Широко известно, что многие мыслители, оценивавшие роль религии в человеческой истории, отмечали сложность и противоречивость этого социального института. Вспомним слова Д. С. Мережковского о том, что христианство утверждает односторонний аскетизм, вражду культурному прогрессу³. В связи с этим рассмотрим два переломных события как в истории русской церкви, так и в истории российского государства: церковный раскол XVII в. и церковную реформу Петра I 1721 г.

Выше мы уже указали на один из основополагающих принципов российской цивилизации — основы нравственной жизни русского человека охранялись прежде всего церковью. Разумеется, на мораль того времени следует смотреть через призму религиозного мировоззрения, имея в виду, что главным духовным интересом православного христианина было спасение души. Следовательно, религия была не только обрядом, ритуалом, но и совокупностью нравственных принципов и в значительной степени бытом. Надо учитывать трепетное отношение русских к православию. Об этом писали многие зарубежные гости, в том числе и представители православных восточных церквей. Их поражал дух религиозного подвижничества, царивший в России в тот период.

При этом нельзя забывать и об усилении роли церкви в государственной жизни в Смутное время. Следует сказать, что церковь этим обстоятельством, в соответствии с традициями византизма, воспользовалась во благо государства. Именно она формировала государственную идеологию и способствовала укреплению государственного единства. Однако мировая тенденция, связанная с усилением светского влияния на духовную жизнь общества, постепенно захватывала и Россию. Под ее влиянием в стране примерно с середины XVII столетия усиливаются споры между приверженцами традиционного мировоззрения и образа жизни и сторонниками новшеств. Активизации этих споров способствовал приток в Россию представителей украинского духовенства и греческих ученых монахов.

Негативное влияние на данный процесс оказали и серьезные противоречия между светской и духовной властью, появившиеся в середине XVII в. Став в 1652 г. патриархом, Никон фактически добивается положения равного главе государства. В 1653 г. он проводит церковно-обрядовую реформу, смысл которой сводился к введению греческой обрядности вместо старорусской. Важной составной частью реформы стало исправление старославянских церковных текстов по греческим образцам. Большая часть этой работы была проведена представителями украинского духовенства, считавшими, что дело духовного просвещения на Украине поставлено лучше, чем в России и потому образцом для Московии должна служить именно украинская церковная культура. Практическое воплощение такого подхода к русской церковной культуре выразилось в том, что в новопечатных церковных книгах московская редакция древнерусского языка, считавшаяся образцом для многих приверженцев русского православия, была вытеснена киевской редакцией⁴.

Не лишним будет напомнить, что в то время активно обсуждался вопрос о вхождении Украины в состав России. В этих условиях столь возвышенное восприятие украинской церковной культуры выглядело для украинцев весьма привлекательным и обнадеживающим. Не будем отрицать, что это работало на усиление интеграции с Украиной. Однако возникает вопрос о формах и методах проведения Никоном церковной реформы. Многие делалось поспешно. Должной подготовки массового сознания россиян к принятию новшеств не было, что, собственно, и вызвало первый серьезный раскол в русской церкви.

Раскол произошел из-за того, что были изменены некоторые внешние атрибуты богослужения. Однако он затронул и серьезные мировоззренческие факторы. Всякие указания на возвращение к греческой традиции приверженцами русской старины отвергались. Они неизменно обращали внимание, что не русские, а греки, пересмотрев в XII в. обрядовые нормы, отступили от христианских традиций, установленных Вселенскими соборами и Отцами церкви. Вспоминали, конечно, и унию с католичеством 1439 г., которая воспринималась в Московии как предательство православия, и, по мнению приверженцев старорусского обряда, лишила греков права на первенство в христианском мире.

В этих обстоятельствах церковь превратилась в дезинтегрирующую силу. Между старообрядцами и сторонниками никоновских реформ развернулась идеологическая война. Надо иметь в виду, что стороны были в неравных условиях, поскольку сторонники Никона поддерживались государственной властью. Мы не должны забывать (это отмечено выше), что в условиях России середины XVII в. религиозное мировоззрение было господствующим. В связи с этим исправление книг и изменение характера богослужения многие восприняли, говоря современным языком, как крах основополагающих устоев российской цивилизации и личную катастрофу. Эффект такого восприятия усиливался насильственными мерами, которые государство и церковь активно применяли к противникам реформ патриарха Никона. Отречение Никона и последующее лишение его патриаршего сана положения не исправили. Противники реформ силой захватывали старопечатные книги. Миряне и духовенство, выражая свое несогласие с нововведениями, уходили вместе со старопечатными книгами в леса, на окраинные земли русского государства, спасаясь от преследований.

Раскол, безусловно, имел не только религиозные, но и серьезные цивилизационные последствия. Главное из них — нарушение духовного единства Руси. Конечно, мы не можем говорить о том, что до раскола Русь была социально единой. Однако разница в образовании, быте, да и имущественное неравенство воспринимались в общественном сознании лишь как количественные, а не качественные различия. Уникальная черта духовной жизни России до середины XVII в. заключалась в том, что страна была духовно единой.

В связи с этим нельзя не обратить внимания и на проблему взаимодействия России с другими культурами, религиями и цивилизациями. XVII в. был переломным для страны во многих отношениях. Россия напряженно пыталась выработать подходы к взаимодействию с другими цивилизациями и, прежде всего, к культурным связям с Европой. Однако реформами Никона все эти поиски практически в один момент были перечеркнуты — дух и форма этих нововведений формировали пренебрежительные настроения в отношении к национальным обычаям и организации быта.

Выше мы отметили, что сторонники изменений в церкви прибегали к помощи государственной власти и в значительной степени именно благодаря ей одержали победу. Здесь мы сталкиваемся еще с одним серьезным последствием для российской цивилизации, усилившим раскол в умах и активизировавшим дезинтеграционную функцию религии. Тенденция на единение церкви с государством, заложенная в самой идеологии византизма, пришедшей на Русь вместе с православием, была усилена обстоятельствами религиозного раскола. Речь идет о расширении сфер влияния государственной власти, а, следовательно, и об усилении подчинения

церкви светской власти. Царь Алексей Михайлович в полной мере воспользовался событиями, связанными с реформами Никона и религиозным расколом, чтобы ограничить патриаршую власть, которая после пережитого страной Смутного времени была непомерна велика. Однако Алексей Михайлович лишь ограничил самостоятельность церкви, а его сын Петр I церковной реформой эту самостоятельность уничтожил окончательно.

Пагубную роль здесь сыграла ставка на грекофильство, ставшая ключевой в реформах патриарха Никона и в решениях Поместного собора с участием восточных патриархов, проходившего в 1666 — 1667 гг.⁵ Никаких новых идей ни русской церкви, ни русскому государству обращение к богословской традиции греков не дало и дать не могло. Изменилась, говоря философским языком, лишь форма, но не содержание. Между тем вследствие серьезного отставания России в социально-экономическом развитии от ведущих европейских стран время требовало серьезных изменений как идеологии, так и политической системы. Однако раскольники, как мы указывали выше, внедрили в общественное сознание другую мысль — греческое православие оскудело, испортилось. Следовательно, и русская церковь, взявшая его идеи на вооружение, отступила от истинной христианской веры.

Такие рассуждения имели серьезные последствия как для самой церкви, так и для государства. При определении дальнейшей судьбы церкви и путей развития российского государства путь на Восток был закрыт. Русское общество пребывало в поиске новых идей. Передовая образованная элита, которую поддерживал Петр I, обращает свое внимание на Запад. В политических кругах и среди образованного класса передовых западных государств во второй половине XVII — начале XVIII в. была популярна теория «естественного права» и идея абсолютной монархии. Они принесли западным государствам практическую пользу, поскольку сумели вывести их из хаоса религиозных войн. Напомним, суть теории «естественного права» сводилась к тому, что право имеет не божественное, а человеческое происхождение, но, несмотря на это, оно необходимо, поскольку его сущность вытекает из общей человеческой природы, а точнее из инстинкта самосохранения, присущего каждому человеку. Одним из первых в развернутом виде эти идеи представил Т. Гоббс в книге «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского», вышедшей в 1651 г. Очевидно, что теория естественного права пропагандировала идею абсолютной государственной власти, считая, что только она способна устранить все пережитки «естественного состояния», споры и беспорядки⁶.

Однако характер взаимоотношений между церковью и государством в западноевропейских странах был принципиально иным по сравнению с Россией. Католицизм на Западе до середины XVI в. господствовал безраздельно и имел единый надгосударственный центр. В России, как отмечали выше, церковь находилась в зависимости от государственной власти. Если в западной Европе государственно-церковные отношения развивались по пути отделения церкви от государства, то в России петровская церковная реформа привела к тому, что государство поглотило церковь, превратив ее в часть государственного аппарата⁷. Желая придать динамизм своим преобразованиям, Петр I рассматривал церковь как помеху на пути реформ. Основания для этого у императора были. Патриарх Адриан в своем окружном послании провозгласил, что государственная власть с покорностью должна слушать голос архипастыря и согласовывать свои действия с церковью⁸. Конечно, такая позиция предстоятеля церкви в России рубежа XVII — XVIII вв. не способствова-

ла интеграции российского общества. Мы далеки от идеализации церковной реформы 1721 г. Она, на наш взгляд, имела пагубные последствия для развития российской цивилизации. Прежде всего реформа уничтожила самостоятельность церкви, открыв путь государству для заполнения всего социального пространства. Таким образом, сама возможность развития предпосылок гражданского общества в России была полностью уничтожена, а церковная реформа начала XVIII в. знаменовала собой важный этап становления тоталитарного государства, предопределив на несколько веков невозможность эффективного функционирования демократических институтов в России, а, возможно, и революционные события начала XX в.

Оценивая проанализированные нами этапы истории РПЦ, вновь обратимся к концепции развития цивилизаций А. Тойнби, одним из существенных положений которой, как мы указывали выше, является идея о тесной связи цивилизации с религией. По мнению ученого, такая связь формируется в ходе нарастающего кризиса и надлома цивилизаций. Однако приведенные нами выше примеры показывают, что однозначный вывод именно о таком характере взаимоотношений цивилизации и религии делать нельзя. В том, в каких формах будет осуществляться это взаимодействие, на наш взгляд, существенную роль играют три обстоятельства:

- способствует ли эта взаимосвязь реализации интересов самой религии;
- совпадают ли интересы религии с интересами правящего класса;
- внешнеполитические обстоятельства, в которых развивается цивилизация в данный исторический момент.

Работать на интеграцию различных социальных сил и общественных институтов религия будет лишь в том случае, если все вышеуказанные обстоятельства способствуют реализации интересов самой церкви и как религиозного, и как социального института. В противном случае религиозное мировоззрение может стать серьезным дезинтегрирующим фактором в развитии цивилизации. На это обращает внимание и М. Пери: «Надежды А. Тойнби на гармонию отношений между мировыми религиями в процессе соучастия в установлении устойчивого мира не имеют основания, так как существующие между ними различия затмевают их стремления к достижению высшей реальности... И хотя религия несомненно является полезным общественным институтом, она не может быть достаточным мировоззрением для современного человека. К тому же в современном мире возрождение религии может вести не к усилению пророческих ценностей, а к интенсификации фундаменталистской реакции»⁹.

Правда, следует признать, что рассмотренные в статье примеры из истории РПЦ демонстрируют связь церкви с политическими институтами. Это вполне оправдано, ведь политическое устройство общества является важным фактором развития цивилизаций. Однако роль религии в цивилизации нельзя ограничивать только этой связью. В социуме всегда существует серьезный запрос и на решение экзистенциальных проблем. Ученый-антрополог А. Уоллес справедливо замечает, что люди часто обращаются к религиозному мировоззрению в своих попытках решить проблему о взаимоотношениях жизни и смерти, разобраться в представлениях о душе, богах, мировых циклах, прогрессе. Решает ли религия эти вопросы? Безусловно и однозначно! Но как? Суть решения, по мнению А. Уоллеса, сводится к тому, что религия культивирует убеждение «...в будущей победе жизни и организации над смертью и дезорганизацией»¹⁰. Безусловно, эти мировоззренческие проблемы являются важными в человеческой жизни, но их одностороннее решение не может реа-

лизоваться лишь в развитии интеграционных тенденций. Совершенно очевидно, что какая-то часть социума не примет это мировоззрение и данный путь решения проблем, что может привести и к развитию атеистических тенденций. Так, по нашему мнению, один из корней мощного атеистического движения, развернувшегося в России при поддержке советской власти после октябрьских событий 1917 г., кроется именно в этом. Хотя, конечно, этот государственный атеизм нельзя сводить целиком к неприятию лишь экзистенциальных позиций церкви и противоречиям религиозного и научного мировоззрений¹¹.

Нельзя не обратить внимания на еще одно обстоятельство. Священнослужители различных религий представляют религиозные учения как трансляцию воли божьей. У наиболее активных адептов религиозных учений такой подход формирует убеждение, что действия вопреки предписаниям той или иной религии есть нарушение воли Бога. Подобное мировосприятие часто становится источником фанатизма и формирует фундаменталистские учения. Диалектика интеграции и дезинтеграции в данном случае проявляется довольно ярко: создавая почву для объединения группы фанатиков, фундаменталистские учения часто усиливают социальную напряженность и дифференциацию людей по религиозному признаку.

Так что же показывает нам развитие мировых цивилизаций, если посмотреть на этот процесс через призму их взаимоотношений с религией? Очевидно, что в рамках любой цивилизации ее взаимоотношение с религией формируется неизбежно и закономерно. Однако эти взаимоотношения, на наш взгляд, не укладываются в рамки жестких правил по двум причинам:

- 1) многообразии и противоречивости духовной жизни цивилизации;
- 2) противоречивости функций самой религии.

Причем по мере развития мировых цивилизаций по объективным причинам роль и значение религий в духовной жизни народов уменьшается, их односторонний взгляд на мир в условиях нарастающего мультикультурализма становится очевидным. Растущая роль толерантности и реализация принципов политики мультикультурализма позволяют религии как социальному институту и мировоззрению сохраниться в современном социуме и оказывать влияние на определенную его часть. Однако проанализированные в статье с религиозной точки зрения обстоятельства не позволяют однозначно оценить религию как интегрирующую силу в рамках многообразных и противоречивых цивилизационных процессов.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Тойнби А.** Постигание истории. М., 2002. С. 356.
- ² См.: **Белкин А. И.** Крещение Руси: альтернативы и историческая реальность // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 4 (24). С. 11 — 19 ; **Чашина Ж. В.** Принцип единства многообразия в православном христианстве // Там же. 2014. № 2 (26). С. 72 — 76.
- ³ См.: **Зобнин Ю. В.** Дмитрий Мережковский : Жизнь и деяния. М., 2008. С. 211.
- ⁴ См.: Патриарх Никон: трагедия русского раскола. М., 2006. 656 с.
- ⁵ См.: **Милоков П. Н.** Очерки по истории русской культуры : в 3 т. М., 1994. Т. 2, ч. 1. С. 56 — 57.
- ⁶ См.: **Гоббс Т.** Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. СПб., 2020. 700 с.
- ⁷ См.: **Алексеева С. И.** Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856 — 1904 гг. СПб., 2006. 276 с.

⁸ См.: **Карташев А. В.** Очерки по истории Русской Церкви : в 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 256 — 257.

⁹ Цит. по: **Ерасов Б. С.** Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 63.

¹⁰ Цит. по: **Погтер В. Р.** Биоэтика: мост в будущее. Киев, 2002. С. 95.

¹¹ Более подробно об этих событиях нами изложено: **Белкин А. И.** Русская Православная Церковь в Мордовии в 20-х — середине 60-х годов XX века : монография. Омск, 2017. С. 3 — 56.

Поступила 11.10.2021 г.

УДК 94(47)

Д. А. Завьялов
D. A. Zavyalov

ТАМОЖЕННЫЕ ШТАТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ НАЧАЛА XVIII в.

CUSTOMS STAFFING TABLES AS A SOURCE ON THE HISTORY OF CUSTOMS SERVICE REFORM OF THE EARLY XVIII CENTURY

Ключевые слова: штатное расписание, штатное расписание Санкт-Петербургской портовой таможни, история таможенного дела и таможенной политики России, таможенная служба.

В статье дается характеристика важного для истории таможенной службы XVIII в. источника — таможенных штатов. На основе сравнительного анализа публикаций штатов Санкт-Петербургской портовой таможни 1725 г. показывается последовательный и продуманный характер реформирования таможенной службы в 1720-х гг. Введение нового таможенного тарифа 1724 г. и штатных расписаний 1725 г. сделало портовые таможни эффективным инструментом проведения протекционистской государственной политики. Сущность нововведений состояла, во-первых, в создании портовых таможен — нового типа таможенного учреждения с постоянными сотрудниками, получающими за свою службу денежное жалование, во-вторых, в переходе от выборного способа комплектования штатов таможен к вольнонаемному. Эти изменения таможенной службы стали основой бюрократизации государственной гражданской службы в таможнях и прослеживаются в штатах второй половины XVIII в.

Key words: staffing table, the staffing table of the St. Petersburg Port Customs, history of customs affairs and customs policy in Russia, customs service.

The article describes an important source for the history of the customs service of the XVIII century — the customs staffing tables. Based on a comparative analysis of the publications of the St. Petersburg Port Customs staff-ing tables of 1725, the consistent and thoughtful nature of the customs service reform in the 1720s is demonstrated. The introduction of a new customs tariff in 1724 and staffing tables in 1725 made port customs an effective instrument for conducting protectionist government policy. The essence of the innovations consisted, firstly, in the creation of port customs as a new type of customs institution with permanent employees who received a salary for their service, and secondly, in the transition from an elective method of customs staffing to civilian one. Those changes in the customs service became the basis for the bureaucratization of the state civil service in customs and could be observed in the staffing tables of the second half of the XVIII century.